

Матьяна Фроловская

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЗЕНИТ

Настоящее время – самое благоприятное для изучения и понимания заслуг Льва Николаевича Гумилёва перед Отечеством. Книги его выходят, идеи в нашей стране воплощаются в жизнь, а уникальное объединение государств – Евразийский экономический союз существует и успешно работает: в ряды союза вступают новые участники. Но сколько бы мы ни говорили об «эпохе Гумилёва», поставить точку после этих двух слов никак не удается.

Иногда я смотрю по телевидению аналитические программы, в которых звучат термины ученого: пассионарный толчок, этногенез, эпоха обскурации, субпассионарии. Но ведь просто назвать евразийскую проблему недостаточно – надо ее понимать. Однако политологи, филологи, журналисты и писатели относятся к ней, как к гуманитарной, а евразийство – точная наука, основанная на законах природы. Например, через 180–200 скрытых лет после пассионарного взрыва, происшедшего по законам биосферы, этнос, уже возникший, развивается, но еще не проявляется. Проходит еще двести явных лет, пока особи общества, осознав «всей поголовностью» свою идентичность, вступают в акматическую фазу, самую продуктивную для развития общества. Это не время накопления имущества, напротив, это – фаза жертвенного поведения и героических поступков, фаза борьбы не за материальные выгоды, а за независимость и самоопределение. В начале данного периода население представляет народ-войско, к концу – наступает наиболее высокая стадия развития этноса – жертвенное поведение.

Самая короткая фаза этногенеза – надлома – наполнена межэтническими столкновениями, революционными событиями, малыми и большими заговорами. Это короткая фаза, предельно опасная и мучительная, ее еще надо пережить. Надлом сменяется инерционной фазой – происходит накопление духовных ценностей и расцвет искусств. По определению Гумилёва, продолжительность «золотой осени» – три столетия. Лев Николаевич полагал, что евразийское пространство находится в начале трехсотлетней фазы.

Однако в 1991 году, когда президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин держал речь, взобравшись на танк, Гумилёв сказал: «Узнаю тебя, эпоха заурядности. Что-то очень рано». Такой эпохи в его раскладе не имелось. Была эпоха обскурации – неспособности регулировать вожделения, а далее шла мемориальная фаза – неспособности удовлетворять вожделения. Фактически – неспособности к самовозрождению.

Весь цикл изменения пассионарного напряжения этнической системы составляет 1500 лет. При изучении истории человечества Лев Николаевич из всех этносов нашел только один, классически прошедший полностью все стадии этногенеза и погибший в 1453 году, – византийский. В мемориальной фазе общество неспособно к сопротивлению, и константинопольские греки сдали свою страну молодому этносу. Экологическая ниша никогда не будет пустовать, и на месте Византии утвердилась Турция. Можно не сомневаться, что, за вычетом 200 скрытых лет формирования этноса, у Турции есть еще восемь веков до исчезновения.

Сын Анны Ахматовой и Николая Гумилёва не только в мировой истории, но и в мировой литературе являлся человеком сведущим. В одном интервью Лев Николаевич сказал, что оппоненты, чтобы оспорить какой-либо постулат в его текстах, называют его поэтом. Это оружие он сам дал им в руки: писал стихи, переводил восточных поэтов без подстрочников, но хорошо понимал, что Николай Гумилёв и Анна Ахматова – поэты, создавшие школу акмеизма, и в честь своих родителей назвал высшую стадию развития этноса акматической. Это было признание заслуг и установление дистанции между собой и великими поэтами.

Он умел сочинять стихи, иногда переводил для заработка, но на экзамене по всеобщей истории, когда сдавал его экстерном после войны за весь университетский курс, испросив разрешение ответить стихами, прочел на память стихотворные строки: «закон отрицания отрицания» Гумилёв изложил стихами Заболоцкого из поэмы «Ладейников»: отвечая на второй вопрос – о народовольцах, прочел на память 169 строк – главу «Отцы» из поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год». К сожалению, не знаю, какие стихи пригодились при ответе на третий вопрос. Комиссия поставила отличную отметку за точность и остроумность ответа. Гумилёв знал поэзию досконально и стихи любил бескорыстно.

Есть такая особенность мировоззрения всех евразийцев: они не отстраняются от поэтических текстов. Для всякого евразийца непрерываемым авторитетом являлся поэт Алексей Степанович Хомяков – деятель раннего славянофильства, богослов, врач, историк мировой цивилизации, живописец. Это так естественно – писать стихи...

Анна Ахматова говорила, что само понятие «Серебряный век» было предложено ее сыном – Львом Гумилёвым. После «Золотого века» русской поэзии логично было следующий назвать «Серебряным» – близко лежало, – и Лев Николаевич предложил назвать XX век «серебряным». Ахматова дала сыну деньги на «чекушку» и увековечила это словосочетание в своей величественной «Поэме без героя»:

На Галерной чернела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.

В 43 году, когда поэма диктовалась в Ташкенте, Гумилёв находился в Норильском лагере. Материальные и духовные возможности распределялись непропорционально, но это не мешало сохранять высокий строй мыслей и великий поэтический дар.

Жизнь Льва Гумилёва – готовый сюжет для романа. С юных лет судьба словно испытывала его на прочность – трагическая гибель отца, сложные отношения с талантливой матерью, а главное – 13 лет лагерей. Как он сам потом говорил, отсидел

«за папу и маму». Все это способно сломать даже сильную личность, но Гумилёв не сломался и не озлобился. Однажды Гумилёв сказал горькие слова о лагерях: «Я не имею претензий к властям – ученые сажали ученых».

Он написал в лагере две книги: «Хунну в Китае» и «Древние тюрки». Первую представил на соискание степени доктора исторических наук. Когда сняли с защиты «Хунну в Китае», в запасе у соискателя оказалась вторая написанная докторская диссертация – «Древние тюрки» на 700 страницах. Такому счастью не могли не завидовать «оскущители науки». Совершенно понятно, что за счет внутренней энергии Гумилёв уцелел и в лагере, и на ученом совете.

Но все-таки «слаб человек» даже в академической шапочке. Что говорить о врагах, то когда на обсуждении книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» Гумилёв выступил с защитным словом, все академики представительного собрания постановили: «отлучить» Гумилёва от академических изданий как неисправимого беллетриста, к тому же «ослушника», поскольку академики попросили его дать достойный разнос «националисту с русским языком», присвоившему авторство «Слова» тюрку. Однако автор книги «Черная легенда» не мог поступиться правдой, и возможный новый вариант ее он отверг на академическом форуме.

Четырнадцать лет, с 1975 по 1989 год, Гумилёв печатался только в журналах «Юный натуралист» и «Декоративное искусство». Выпустил небольшую книгу про бурятскую живопись с Буддой на обложке и получил разнос за богоискательство и богостроительство. Но уже после 1989 года книги пошли косяком.

Доктор юридических наук Анатолий Иванович Лукьянов (в 1987–1988 годах он занимал пост секретаря ЦК КПСС, в 1988–1989 годах был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, в 1990–1991 годах – председателем Верховного Совета СССР) хорошо знал Гумилёва. В шестидесятые годы он в качестве адвоката участвовал в суде по восстановлению права наследования. Анна Ахматова завещала сыну свой литературный архив. Бесценное наследство, уже по документам переданное «Пушкинскому дому», осталось у людей посторонних. Кроме того, Анатолий Иванович участвовал в процессе по реабилитации Николая Степановича Гумилёва. Он не был просто адвокатом. Лукьянов читал книги Льва Николаевича в рукописи и принял активное участие в издании книг «Этногенез и биосфера земли», «Поиски вымышленного царства», «Тысячелетие вокруг Каспия», «Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению», «Открытие Хазарии», «Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации», «От Руси к России». За пять лет – более трех тысяч страниц, а еще печатались книги в соавторстве и переиздания ранее выпущенных трудов.

Но никто не помог бы Гумилёву, если бы эти книги в период академической опалы не были им написаны. Только благодаря жизнестойкости и целеустремленности Лев Николаевич преодолел противодействие остепененных завистников.

Научные взгляды Льва Гумилёва настолько революционны, что они заставили по-новому взглянуть на историю, особенно древнюю и средних веков. И теперь в ином ракурсе предстают перед нами личности того же Чингисхана или Тамерлана. Гумилёв разрушил миф, трактующий отношения между Древней Русью и Великой Степью как иго.

Когда я прочла книгу Льва Гумилёва «Древние тюрки» и особенно первое издание «Поисков вымышленного царства» (1970 г.), меня развеселила та экзотика, которая опровергала прежние представления и ставила с ног на голову известные

мне отношения Руси и монголов. Такое отношение продолжало нагнетаться другими книгами о том же времени. Даже когда я стала слушать лекции Гумилёва, не сразу переломилось мое сознание в сторону обоснованного пересмотра старых истин. Мы смотрели на монгольскую Азию, живя в ней, как на нечто одноцветно-вражеское, не детализируя нюансов. У Гумилёва завоеватель Чингисхан – любимый исторический деятель, наравне с Александром Невским, а про Тамерлана он говорил: «Бояться железного хромца было незазорно».

Наконец, надо было понять, почему? Первое и самое главное – Чингисхан создал Ясу, по которой ясак платить, конечно, побежденный должен, но за убийство доверившегося карался смертью как чужой, так и свой. Когда на смену Ясы пришла барымта, монголы уже не были народом-войском. Яса и монголы Золотой орды не навязывали свою религию никому: христианин ты или язычник – это их не касалось. Религия «бон» была терпимой к иным вероисповеданиям, и у монголов жены часто исповедовали христианство несторианского толка. У Руси времен Батыея с монголами имелся военный союз. Именно монголы во времена Александра Невского участвовали в Ледовом побоище и побили псов-рыцарей на Ладожском озере. Перед этим русские купцы, желавшие свободной торговли с Ганзой, хотели убить монгольских послов, но Александр Невский, зная закон Ясы, жестоко расправился с провокаторами и сам проводил послов до границы своих владений.

Другое дело – Тимур. Это был человек изначально исламской ориентации. Свою религию насаждал под угрозой смерти, и, главное, он возглавлял не народ-войско, а наемников, цель которых – обогащение. Его профессиональное, вышколенное войско оставляло после себя разруху и горы трупов ни в чем не повинных людей.

Гумилёв ввел в историю понятие этноса, создав, по сути, новую науку – этнологию, и с позиции своей не менее оригинальной теории этногенеза, используя опять-таки введенное им понятие пассионарности, пытался объяснить закономерности исторических процессов. Это нововведение серьезно отличалось от ранее принятых научных подходов.

Наука о биосфере как энергии, окружающей землю, развивалась задолго до появления учения Гумилёва. Он не был физиком и астрономом или биологом, но очень желал, чтобы точные науки дали ответ на происхождение этого явления. Несколько лет он встречался с Н. В. Тимофеевым-Ресовским, который проводил исследование причин неожиданного скопления саранчи или других насекомых в определенном месте. В свои московские «набеги» (так Лев Николаевич с женой Натальей Викторовной называли отпускное время в Москве) Гумилёв каждую субботу приезжал к биологу в Обнинск, и они работали над этой биологической проблемой. Что за черная кошка между ними пробежала? Только Гумилёв перестал общаться с «Зубром», и тот, приехав в Ленинград, просил у Льва Николаевича прощения. Но вместе они больше не работали.

На одной из лекций Гумилёв сказал: «Откуда берется эта энергия, не знаю». Однако на материале многотысячелетней истории, где он ориентировался, как у себя дома, он вычислил разломы по меридианам и параллелям и составил убедительную карту пассионарных разломов.

Одна из главных работ Льва Николаевича «Этногенез и биосфера Земли» перекликается с трудами Владимира Вернадского и Александра Чижевского – великого биофизика, продолжая в какой-то степени идеи космизма. Гумилев убедительно и

научно распространил этот космизм и на исторические процессы, происходящие на земле. Лев Гумилёв внимательно читал труды Владимира Ивановича Вернадского – отца историка-евразийца Георгия Владимировича. Книгу «Биосфера и ноосфера» он читал пристрастно и находил в ней ответы на загадочные явления космоса. Биосфера – оболочка Земли, населенная живыми организмами, – результат сложнейшего механизма геологического и биологического развития. Живое вещество биосферы – совокупность всех ее живых организмов. Высшую стадию развития биосферы Вернадский назвал ноосферой, когда разумная деятельность человека является определяющим фактором развития жизни.

Глубина и широта познаний выдающегося историка поражает. Павел Флоренский – друг Гумилёва, внук священника Павла Флоренского, расстрелянного в 30-е годы, в одной из телевизионных передач «Культуры» сказал, что, прежде чем делать выводы об окончательном понимании и постижении трудов Гумилёва, надо постичь дистанцию, пролегающую между великим ученым и тобой. От себя добавлю, воробьиными шагами надо эту дистанцию преодолевать.

Конечно, изучение трудов Гумилёва очень продвинулось за последние 20 лет. Открытие Евразийского университета им. Гумилёва этому способствовало. Это был прорыв. Итоги еще не подведены. Трудолюбивые и любопытные уже многое знают о поставленных Гумилёвым проблемах. И все-таки этого еще недостаточно. Гумилёв был уникальным историком.

Слово «евразиец» по отношению к себе Лев Николаевич произнес за полтора года до смерти, хотя именно Евразии он посвятил всю свою жизнь, дружил с евразийцами.

В 1922 году цвет российской философской науки выслали из страны под угрозой расстрела. В 1923 понадобился еще один корабль. Отказавшиеся эмигрировать на так называемом «Философском корабле» были сосланы в лагеря и вскоре расстреляны. Среди них Павел Флоренский, Густав Шпет, Николай Бруни и многие другие ученые и священники. Многие пассажиры «Философского корабля» пополнили ряды евразийцев, уже обосновавшихся в Праге. Никто не вспоминает про третий корабль, отбывший из Владивостока в это же время. Перечисляя имена многочисленных евразийцев, никто ни разу не назвал их таким именем. Враги евразийства названы в перечислении: Кизеветтер, Милюков – в одном ряду, путая краски и уравнивая всех по одному признаку – депортированные.

Так что заслуги евразийцев и «последнего евразийца», как назвал себя Л. Н. Гумилёв, еще не оценены по достоинству. И хотя непрочитанных страниц еще много, но процесс познания и изучения проходит в нашей стране, и абсолютная неосведомленность совершенно исключается.

Однако пора браться за настоящую работу. Читайте. Понимание, в чем уникальность евразийского сообщества, придет, и вы получите точные научные знания о своем месте в мире.

